

**Д. Пронин, Г. Александровский, Н.
Ребиков**

Седьмая гаубичная

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Д11

Д11 **Д. Пронин**
Седьмая гаубичная / Д. Пронин, Г. Александровский, Н. Ребиков – М.: Книга
по Требованию, 2020. – 220 с.

ISBN 978-5-519-19731-1

Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1960 года.

ISBN 978-5-519-19731-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Димитрий Пронин
ЗАПИСКИ ДРОЗДОВЦА-АРТИЛЛЕРИСТА

ДРОЗДОВЦЫ.

**Мрак ночной всё темнел и сгущался,
Путеводных лишившись огней,
Над собою народ насмеялся,
Насмеявшись над Верой своей.**

**И тогда, против тьмы и насилья,
Среди трусости, лжи, клеветы,
Расправляя могучие крылья,
На борьбу полетели орлы.**

Г. П.

Казалось великий народ потерял самого себя.

Везде была растерянность и смятение.

Осыпанные Императорской Россией всеми возможными почестями и наградами, командующие армиями и фронтами, одни нацепляли на себя красные банты и заискивали перед писарями своих канцелярий, другие совершенно растерялись, а некоторые оставались просто выжидающими зрителями надвигающихся грозных событий.

Попытка выйти из заколдованного круга — движение Корнилова, казалось, потонула в неразберихе и провокации.

Страшная тень торжествующего интернационального коммунизма нависла черной пеленой над несчастной Страной.

В это время безысходности, в донских степях, загорелся огонёк веры в свой Народ и Родину, зажженный Алексеевым и Корниловым. Для поддержки этого огонька по почину малоизвестного командира пехотного армейского полка, Михаила Гордсевича Дроздовского, на румынском фронте, в Яссах, сформировался отряд, состоявший из людей, предпочитавших смерть с оружием в руках за Честь своей Родины приспособлению и приноравливанию к обстановке, созданной ходом революционных событий.

Сначала в отряд записалось около 30.000 человек. Вышло же с Дроздовским из Румынии в поход меньше двух тысяч.

Но они пошли.

Неудача под Ростовым, смерть полковника Войноловича и в дальнейшем полковника Жебрака под Белой Глиной и,

наконец, потеря начальника дивизии, раненого под Ставрополем и умершего в госпитале в Ростове, не поколебали их духа. Так велика была сила порыва.

Новые люди, новые добровольцы вливались в дивизию. И казалось — дух убитых бойцов шел в бой вместе с пополнениями.

**

Донецкий бассейн. 3-ья пехотная дивизия генерала Владимира Константиновича Витковского. Батальоны 2-го офицерского стрелкового полка капитанов Туркула, Харжевского, Манштейна.

Наступление.

Харьков. Бело-малиновые фуражки. Буква „Д” на погонах.

Богодухов, Сумы, Ворожба, Льгов, Дмитровск, Севск, Камаричи, Кромы. Везде и всегда дроздовцы те же.

В полки вливаются пополнения из пленных красноармейцев. Что-то необычное было в дроздовских частях: после нескольких месяцев пребывания в строю, бывшие красноармейцы с гордостью говорили, что они — дроздовцы и с честью оправдывали это в боях.

И столь же стремителен, столь же сокрушающ оставался удар атакующих дроздовских частей. Отборные силы большевиков: латышские дивизии, кавалерия Буденного, всё бросятся на участок дивизии.

Но вот уже нет фронта. Всё покатило назад. Фланги открыты. Со всех сторон окружена дивизия. Как раненый лев, нанося удары и сокрушая красных, где они только попадают по пути, отходит на юг дивизия. Прорвавшись из полного окружения, дроздовцы привозят с собой большее количество орудий, чем было в начале операции. Орудия забраны у окружавших их красных частей.

Добровольческая армия катится дальше на юг. В отступающей армии начинает колебаться дух. Только одна, в числе немногих частей, Дроздовская дивизия отбивает зарвавшихся красных, где бы не вошла с ними в соприкосновение.

Рождество 1919-го года. Бой под Мокрым Чалтырем, на подступах к Ростову. Красные опять отброшены на десятки верст на участке дивизии.

В тылу у дивизии Буденным взят Ростов. По льду только-что замерзшего Дона у Гниловской переходят Дроздовцы. Горит Гниловская.

Земляные валы Азова, помнящие Великого Петра, становятся крепостью, о которую опять разбиваются все атаки, все волны наступающих большевицких войск, упоенных своими последними удачами.

В штабе 1-ой Конной Армии военный совет. Присутствует командующий фронтом Климентий Ворошилов. Встает Буденный, стучит кулаком по столу, кричит на Ворошилова:

— „Что же это, Клим, ты нас всё на Азов посылаешь в лоб, а белые нас в морду и в морду. Ты нам манёвр давай!”

Проходят два месяца боев. Добровольческая армия начинает отход по Кубани. На дроздовцев ложится опять самая тяжелая задача: прикрывать отход армии к Новороссийску.

Находясь в арьергарде, отбивая непрерывно нападающего противника, отходят дроздовцы через Крымскую, Неберджайскую на Новороссийск.

**

После эвакуации из Новороссийска в Крым, приведенные в порядок дроздовские части сразу же идут в десантную операцию под Хорлы, под командой начальника Дивизии генерала Витковского. Пробившись через фронт красных, они возвращаются на Перекоп и привозят с собой отбитые у противника орудия и пулеметы. Десант под Хорлами показал, что части Добровольческой армии способны опять наносить удары врагу.

25 и 26 мая 1920 г. на Перекопе Дроздовцы опрокидывают и уничтожают подошедшие из резерва отборные латышские дивизии красных, открывая этим дорогу в Северную Таврию.

Аскания Нова, Фридрихсфельд, Андребург, Токмак, Гейдельберг, Орехов, Александровск, Синельниково, Михайловка. Безпрерывные бои.

Широко раскинулись степи Северной Таврии. Половецкие степи. Курганы на горизонте.

И преградиша поганые степь криком,

А хоробри Русичи червленны щиты,
вещает певец „Слова о Полку Игореве”.

Облака пыли. Несется с криком, атакует кавалерия Жлобы; куда не кинешь глазом — скачут, несутся всадники, кажется сама степь движется.

Как тогда, в эти давно забытые времена седой старины, стоят против них за честь Руси пешие воины с бело-малиновыми погонями, в сомкнутом строю, с орудиями между взводами.

Скрипит песок от пыли на зубах. Черные, загорелые от солнца и порохового дыма лица. Отрывистые слова команды. Дружные залпы. Громоздятся перед сомкнутыми рядами дроздовцев трупы коней и всадников.

Нет той силы, которая могла бы сломить эту дивизию. Всё новые и свежие дивизии красных прибывают с поль-

ского фронта. Брошены на юг красные венгры, латыши, китайцы, школы ленинградских курсантов. Дивизия в боях — безменно.

Генерал Врангель с представителями иностранных армий устраивает в Фридрихсфельде смотр дивизии, перебрасываемой с одного участка фронта на другой. Запыленные, некоторые с кровавыми повязками, покрытыми грязью, проходят дроздовцы. Около Главногокомандующего стоит начальник дивизии генерал Туркул. Переглядываются представители иностранных миссий.

— „Здорово орлы!”

— звучно раздается голос Главногокомандующего. Не было других слов приветствия у ген. Врангеля для этой дивизии. Дроздовцы опять идут в бой.

Начинается общий отход. Всё также стойко дерется дивизия. Перекоп. Юшунь.

Последний бой. И здесь в момент крушения-славные страницы. Первый Дроздовский полк полковника Чеснокова. Недавние красноармейцы, а по существу несравненные русские солдаты, проникнувшиеся жертвенным патриотическим духом боевой Дроздовской дивизии, выносят своего раненого командира из боя, отбив контр-атакой красных.

Разные бывают поражения и некоторые из них славнее победы. „Слава побежденным!”

**

Лагерь Галлиполи. Одной из первых подтянувшихся и оправившихся частей была Дроздовская дивизия, сведенная в полк.

Приезд генерала Экка по поручению Главногокомандующего. Смотр.

„Такие части я видел только в царствование покойного Государя Императора Александра Александровича”, — говорит после смотра высокий седой генерал с орденом Св. Георгия третьей степени на шее.

Остатки армии покидают Галлиполи.

Окруженный интригами и предательством в эмигрантской среде и ревнивым недоброжелательством иностранных разведок, генерал Кутепов пытается продолжать борьбу и на территории Советского Союза.

Вспоминаю одного из лучших офицеров первого Дроздовского полка, капитана Трофимова. Перед самым переходом им советской границы я имел возможность предупредить его о предполагаемом предательстве со стороны иностранной разведки.

Но скромный и храбрый капитан Трофимов только ответил:

— „Я имею приказ”.

Через несколько дней к числу погибших Дроздовцев присоединился и он. Рыцарь, привыкший сражаться с поднятым забралом, не подошел к роли конспиратора.

Нет теперь дроздовских частей. Но сохранился их дух. Живет он и теперь среди дроздовцев в рассеянии сущих.

Вспоминая всех погибших за Россию в 650 боях дивизии солдат, офицеров и самого генерала Михаила Гордеевича Дроздовского, скажем словами карпаторусской песни:

Не надо ни плача, ни слез мертвецам,
Дадим мы им большой почет,
Шагаем без страха по мертвым телам,
Несем мы их знамя вперед.

ЗАВОДНЫЕ КОНИ.

Воин на коне — это поэма, поэзия войны.

Многие помнят, как в крестьянских хатах, на стене, вместе с лубочными картинками, висела фотография хозяина во время его пребывания на военной службе. Ловкий местечковый фотограф часто имел заранее заготовленную альбоватую картинку огнедышащего коня, около которого рвались снаряды, а на нем, с палашем в руке, в гусарском доломане, красовался снимавшийся солдат. В прорезанное отверстие помещалось только лицо. Никакого значения не имело, что в действительности хозяин служил кашеваром двухсотого с чем-то пехотного полка, да еще „шешнадцатой” роты. Мог он быть также и санитаром, но огнедышащий конь спасал положение и закреплял за ним славу отважного воина.

Это, конечно, лубок. Но вспомним картины французского баталиста Мессонье. Это настоящий гимн коннице, особенно в момент порыва, в атаке. Например, нельзя забыть картину Мессонье, называвшуюся кажется: „Да здравствует император!”

На холме стоит Наполеон, а внизу карьером несется французская кавалерия. Приподнявшись в стремени, с поднятыми палашами, полуобернувшись к императору, в своих кирасах они представляют одну могучую несущуюся живую лавину. Насколько помню, картина изображала атаку французской конницы под Ватерлоо.

В нашу эпоху пулеметов, танков, аэропланов часто говорят, что конница отжила свой век. Но последняя война, особенно на восточном фронте, показала, что даже крупные кавалерийские соединения, поддержанные достаточным количеством танков, благодаря своей подвижности, играли значительную роль в маневренной войне.

В русской литературе имеются такие непревзойденные шедевры, как атака кавалергардов под Аустерлицем в „Войне и Мире” Л. Н. Толстого и описания кавалерийских боев в первую мировую войну в книгах генерала П. Н. Краснова.

Я сейчас не собираюсь изображать внушительную красоту несущихся с топотом кавалерийских полков, а просто хочу поделиться своими воспоминаниями из времен гражданской войны на юге России.

В артиллерию я попал случайно. Еще более случайно, судьбе было угодно, чтобы я оказался в легко-гаубичной батарее.

Как тысячи других, я пробирался на Дон к Корнилову. В конце 1918-го года Добровольческая Армия начала занимать Донецкий бассейн. Добравшись до Юзовки, мы с братом явились в вербовочное бюро.

Он, как юнкер Николаевского Инженерного училища, был зачислен в броневой дивизион. Я просил зачислить меня в Корниловский ударный пехотный полк. Но полк оказался где-то под Минеральными Водами. Принимавший нас офицер сказал, что, конечно, они могут отправить меня туда, но, так как корниловцы также должны прийти в Донецкий бассейн, мне лучше подождать несколько недель. Ждать мне не хотелось и я попросил зачислить меня в какую-нибудь часть, находившуюся здесь, чтобы попасть скорее на фронт. Офицер почему-то решил послать меня в артиллерию, сказав, что имеет требование на людей от артиллерийского дивизиона.

Написав препроводительную записку, он направил меня на станцию, где в вагоне находился командовавший артиллерией 3-ей пехотной дивизии, полковник Мальцев.

Полковник, в коричневой черкеске, взглянул на бумажку, на меня, опять на бумажку и изрек:

-- „Ново-Александрійский ветеринарный Институт. Прекрасно. В 3-ью гаубичную батарею”, — при этом он сделал отметку на моей бумажке.

- - „Ново-Александрійский Институт — не ветеринарный, а сельско-хозяйственный и лесной”, — попробовал я поштатски возразить полковнику.

— „Это всё равно — 3-ья гаубичная батарея”.

Когда я выходил от полковника, то у меня в душе была некоторая обида за свой институт, тем более, что в ветеринарный принимали даже окончивших духовную семинарию и без всяких конкурсных экзаменов.

К командиру батареи привел меня писарь-армянин, которого я застал в канцелярии. В комнате, куда мы вошли, было страшно накурено. В волнах густого дыма можно было различить нескольких офицеров, которые сидели на табуретках. Один из них сидел босиком на кровати. Мо-

крые валенки сушились около чугунной круглой печки. Шла, очевидно, карточная игра.

В тот период все разведчики и номера при орудиях были офицеры. Солдаты были только ездовыми. Большую часть нижних чинов составляли кубанские казаки.

Офицер, который разсматривал бумажку с резолюцией полковника Мальцева, что-то соображал, потом обратился по имени к другому, еще раз взглянул на меня и решил:

— „Дадим ему заводных коней”.

Я первый раз услышал о существовании заводных коней. Знал, что существуют заводные игрушки, но что такое заводные кони?

В дальнейшем выяснилось, что заводные — это запасные кони. Они были получены батареей после того, как была произведена конская мобилизация. Должны были прибыть еще орудия и ящики и тогда заводные кони перейдут в строй.

Вместе со мной поступил в батарею и другой студент — доброволец Одров. Он учился в Харьковском Технологическом Институте. Не миновали и его заводные кони.

Я не принадлежал к числу городских жителей, выдавших лошадей только у извозчиков. Каждое лето мы жили в деревне. Но уход за лошадьми не являлся моей заботой. Работник всегда запрягал, распрягал и кормил лошадей. Мой компаньон Одров еще меньше имел дело с лошадьми, чем я.

Теперь представьте себе картину: каждый из нас получает по четыре коня, из которых у меня оказались два жеребца. Кони громадные, пятивершковые, какие годятся в гаубицы. Хотя гаубица и называется легкой, но вес ее 175 пудов. Пьют кони воду, как насосы. Утром по несколько ведер. Застоялись. Проездки устраивались лишь изредка. Конь Васька, конь Мишка, жеребец Трубадур, клички четвертого уж не помню.

Поведешь их на водопой. Сидишь на одном, других в поводу держишь. А тут, как на беду, жеребцы заметят престелную лошадиную даму, в просторечии именуемую кобылой, и на дыбы. Сдергивают тебя — раба Божьего, как пушинку. Вырвутся, разбегутся — лови. А кубанские казаки надрывают животы от смеха. Они все еще до того, как ходить научились, уже верхом ездили и с конями обращаться умеют.

Сколько мы с Одровым муки приняли от своих коней, — и сказать нельзя. Попадешь дневальным на коновязи. Начинают кони между собой грызться, биться. Подходи, усмирай! А человек свежий, еще и словесности не знает, какую кони в точности понимают.

Одров еще больше меня страдал. На коновязи было несколько киргизских коней. Маленькие, мохнатые и злые, как черти. Того и гляди, нороят или укусят, или лягнуть. У Одрова погон с куском шинели вырвали. Хорошо, что до мяса не прокусили.

Месяца два продолжалось это удовольствие. А там началась погрузка коней в железнодорожный состав. Пока кони к погрузке не привыкли, грузить их мука. Дневалишь по эшелону. Вдруг столпотворение. Глухие удары, ржание. Ну и лезь в вагон, наводи порядок. Кони по четыре с каждой стороны, досками заложены. Оказывается, доску перегрызли, сломали и бьются, кусают друг друга. Влез я раз в вагон, а конь громадный гнедой, как меня хватит копытом по ноге, так я, через голову перевернувшись, и вылетел из вагона.

Подбежал другой дневальный, кубанский казак.

..Добре, — говорит, — он тебя! Благо, что в вагоне, развернуться, значит, ему не было где. Он тебя, как вилами сгрэб из вагона, легонько”.

Хорошо ..легонько”, думаю. Кажется, вместо борьбы за Честь России придется смерть принять от своих же коней, не совсем по рецепту Вешаго Олега, но всё же от коней.

Возвращаясь теперь памятью к этому, давно минувшему времени, нужно всё же признать, что от нашего жертвенного порыва и желания отдать свою жизнь за правое дело, нашим коням не было ни сытнее, ни теплее, а сноровка в обращении с ними пришла значительно позже.

Когда перевели меня в орудие номером, когда попал в тяжёлые бои, мне всё это казалось отдыхом от моих первых недель с заводными конями.

В дальнейшем я не только привык, но и привязался к коням. Два раза выносил меня мой конь от неминуемой гибели или плена, но это уже в области батальных картин Мессонье, а сейчас я хотел только правдиво поделиться с читателем воспоминаниями и спросить его:

..А знает ли он, что такое заводные кони?”...

ДОБРОВОЛЕЦ ВЕРЛИНСКИЙ.

Верлинский был гимназистом старшего класса Бахмутской гимназии.

Волна взбаломученного моря российской разрухи докатилась до северной части Донецкого Бассейна. Дроздовцы заняли Горловку, Никитовку, Бахмут. Красные полчища, двигаясь с севера, в самом начале зимы 1919-го года оттеснили наши слабые заслоны.

Командование решило оборонять Никитовский узел. Начальником боевого участка и обороны Никитовского узла был назначен молодой, статный штабс-капитан Туркул.

Вечером от Курдюмовки или из под Бахмута привозили раненых и убитых. Тускло светила керосиновая лампа, а на станции, на полу, на соломе врач и сестры перевязывали раненых. Окоченевшие тела тех, кому уже перевязка не была нужна, снимали с платформ и складывали на перрон.

Сильно прихрамывавший, нахмуренный Туркул с несколькими офицерами, один из которых нес фонарь, обходил в последний раз молчаливо лежавший строй своих дроздовцев, останавливаясь и вглядываясь в побелевшие, как бы восковые лица тех, кто еще несколько часов тому-назад во весь рост шли навстречу красным цепям.

Бои шли на северном направлении по железнодорожной линии Никитовка — Бахмут и на северо-восточном: Никитовка — Попасная.

Из Бахмута с белыми ушли офицеры и много молодежи. Среди бывших гимназистов был и Верлинский. Он был зачислен во второй офицерской стрелковый полк. Часто заходил в батарею, где у него были друзья. Стройный, высокий брюнет с красивым продолговатым лицом. Всегда тщательно одет, несмотря на обстановку — житье в теплушках, отсутствие возможности переменить одежду и белье. Он, какими то, ему только известными путями, сохранял в порядке не только свою военную форму, но и успевал побриться тогда, когда многие, махнув рукой на свою наружность, обрастали бородами, делавшими их на вид гораздо старше их возраста.

Еврейство не баловало Армию количеством добровольцев и поэтому появление еврея-добровольца было встречено с некоторой настороженностью. В боях Верлинский проявил себя молодцом и позже был награжден георгиевским крестом четвертой степени. Поведение в бою расположило к нему добровольцев и солдат. Верлинский был храбр, пришел в Армию добровольно, молчалив, держится с достоинством и он свой — дроздoveц. Таково, без специального сговора, было общее решение. Даже, когда вспоминали Льва Троц-

кого, главковерха красных сил, то особенные генеологические изыскания по женской линии, к которым существовала склонность в войсках, в присутствии Верлинского пре-кращались, т. к. не желали в какой-то степени задевать или обидеть своего сослуживца и товарища.

Гаубичные взводы действовали при различных батальонах и на долгое время я потерял Верлинского из вида. После Харькова и Богодухова Дроздовский полк был развернут в дивизию и с Верлинским встречаться не приходилось.

В Крыму, в двадцатом году, Верлинский перешел в пу-леметную команду 7-ой гаубичной батареи и сидел на тачанке наводчиком тяжелого пулемета. Тут уже требовались надежные, испытанные люди, т. к. часто пулемет, заменяя собой пехотное прикрытие, оставался при отходе позади батареи и задерживал наступавшего противника.

В тяжелом бою против красных курсантов под селом Михайловкой в Северной Таврии, когда наши пулеметные тачанки задерживали быстро приближавшихся и пытавшихся окружить батарею курсантов, Верлинский был убит наповал пулей в рот и мертвым всё еще судорожно держал ручки уже умолкнувшего пулемета.

Помню, что его везли с собой, искали еврейское кладбище, но не найдя такового, похоронили на одном из сельских кладбищ, положив на могилу его фуражку.

Среди попыток очернить белое движение, изображая его черносотенным, реакционным и человеконенавистническим, пусть память о таких людях, как доброволец Верлинский, светит путеводным огнем правды для будущего.

